

Пролог

11 мая 1980 года, город С.,
раннее утро

Что-то смущало доктора Сергеева. У пациента типичная клиническая картина тяжелого гастроэнтерита. Возможно, острого панкреатита. Неудержимая рвота, вздутие живота, жидкий стул, высокая температура, спутанное сознание. Но откуда свежие ожоги на руках? Причем не термические, больше похожие на химические. Плюс дерматит, которого раньше не было.

— Доктор... — напомнила о себе Оксана.

Последний вызов, смена заканчивается, ящик-укладка раскрыт, помощница ждет назначений. Через час ей, студентке пятого курса медицинского института — и, между прочим, его невесте — надо быть на лекциях. После занятий они договорились съездить в магазин для новобрачных¹ — получили приглашения, когда подавали заявление в загс. А он

сидит как истукан, в голове крутится какая-то мысль, но в диагноз не оформляется.

Или у пациента просто инфекция? Жена пострадавшего, бледная и растерянная, смотрит на доктора с надеждой. Говорит, что утром муж ушел, как обычно, на работу. Позавтракал, на здоровье не жаловался. После работы поехал в гараж, где у него мастерская. Он там часто до ночи пропадает. Вернулся поздно, после одиннадцати, совершенно больной. Ничего не объяснил, лег в кровать. Был настолько слаб, что не мог сам раздеться. Жена чувствует себя хорошо. Пятилетняя дочка спит в своей комнате, с ней тоже все в порядке.

Андрей взял руку пациента. Холодная, влажная. Ожоги на ладонях, как будто мужчина что-то держал. Но не горячее. Другие ожоги. И выше...

Господи, только не это!

Сергеев посмотрел на стоящую рядом женщину.

— Скажите, у вашего мужа были волосы на руках?

— Да, — испуганно подтвердила жена, — и руки и грудь были волосатые. А сейчас на руках ничего нет.

— Оксана. — Голос внезапно сел, как будто Сергеев выпил ледяной воды. — Спускайся в машину.

— Но...

— Быстрее!

Он посмотрел на нее так, как никогда раньше не смотрел. Оксана встала, начала закрывать ящик. Лицо девушки побледнело, руки тряслись. Она еще не понимала, что происходит, но чувствовала — что-то очень плохое.

Пролог

— Ящик оставь и передай по рации сигнал «три двойки».

Оксана ойкнула, глаза расширились.

— А ты?

— Бегом! — крикнул Андрей.

Оксана выбежала. Сигнал «три двойки» означал подозрение на острую лучевую болезнь.

ЧАСТЬ I

*в которой главный герой
начинает совершенно безобидное
расследование*

Глава 1

Девять месяцев назад. Август 1979 года,
Эль Сегундо, Калифорния, США

Эдвард Линн, генеральный директор «Аэроджет Рокетдин», компании-поставщика ракетных двигателей для Пентагона, недавно отметил пятидесятилетие. Подтянутый, с густой шапкой темных волос без малейшего признака седины, он выглядел максимум на сорок. Линн почти не употреблял спиртное, не курил, четыре раза в неделю играл в теннис и ежедневно по утрам бегал в парке с реликтовыми секвойями недалеко от своей роскошной виллы.

Сейчас в специально оборудованном, защищенном от прослушивания помещении на сорок втором этаже штаб-квартиры компании он пил минеральную воду и с осуждением смотрел на собеседника, грузного, с нездоровым цветом лица адмирала Бобби Рона Илдмэна, директора ЦРУ и советника президента по вопросам разведки. Адмирал уже в третий раз пополнял содержимое своего бокала одно-

солодовым виски и курил вонючую никарагуанскую сигару, стряхивая пепел на ручной работы персидский ковер. Предстоящее в сенате повторное рассмотрение договора по ограничению стратегических вооружений между США и СССР, по убеждению Линна, следовало обсуждать на трезвую голову.

— Раньше июня следующего года они до этого вопроса не доберутся, — проворчал Илдмэн, — так что время у нас есть.

— Есть, но немного. Если договор ратифицируют, о контракте с Пентагоном можно забыть.

Директор ЦРУ вяло махнул рукой.

— Не ратифицируют. Я держу ситуацию под контролем.

— Надеюсь на тебя, Бобби. — Линн со значени-ем посмотрел на адмирала. — Сам понимаешь, как поведут себя акции, если не будет контракта.

Илдмэн недовольно поморщился. Среди его личных финансовых активов был крупный пакет акций «Аэроджет Рокетдин», и адмирал не любил, когда ему об этом напоминали.

— Ты же знаешь, сколько нам стоило заблокировать закон в этом году. — Линн сделал акцент на слове «сколько». — А в следующем — выборы. Аналитики предсказывают победу республиканцев, демократы нервничают, мы можем не собрать нужного количества голосов...

— Я же сказал, Эдвард, — в голосе директора ЦРУ звучало раздражение, — все под контролем. У них не будет вариантов.

Часть I

— Надеюсь. — Линн с сомнением покачал головой.

Вертолет взмыл над крышей, сделал круг и взял курс на базу ВВС, где уже прогревал моторы транспортный борт. Илдмэн смотрел в иллюминатор, на открывшуюся с высоты птичьего полета панораму города — ровные кварталы малоэтажной застройки, пики небоскребов и соседствующие с ними виллы с голубыми линзами бассейнов, — и думал, что старый пройдоха Линн знает, куда и когда нужно надавить, чтобы получить результат. Недаром столько лет сидит на миллионных контрактах с Пентагоном. Адмирал тихо выругался. Знает ведь, подлец, что тема акций для него, Илдмэна, неприятна, и все-таки вставил в разговор. Но в одном он прав — ратификацию нельзя пускать на самотек. Нужна изящная оперативная комбинация с громким выхлопом, и он знает, кому эту комбинацию поручить.

Глава 2

11 мая 1980 года, город С.

Медицинский изолятор, в который доставили бригаду скорой помощи, находился на территории воинской части. По эмблемам в петлицах Андрей понял, что часть относилась к химическим войскам. Они с Оксаной никогда здесь раньше не были. Гражданскую «Скорую» сюда не вызывали, особо секретный объект обслуживался исключительно военными медиками.

В санпропускнике у них повторно замерили радиоактивный фон на одежде и, хотя фон был в допустимых пределах, попросили раздеться, выдали больничные пижамы и отправили мыться. Оксана нервничала, переживая из-за возможных последствий их пребывания в квартире пациента с лучевым поражением. Андрей как мог успокаивал девушку. Приехавшие дозиметристы опасного уровня радиации в квартире не обнаружили. Сам пациент, конечно, «фонил», но не критично. Общавшаяся всю ночь с ним жена чувствовала себя нормально.

После душа Андрея и Оксану развели в разные боксы, шустрая медсестра взяла кровь на анализ, а неразговорчивый санитар — судя по короткой стрижке и торчащим из-под халата форменным брюкам, солдат-срочник — прикатил на тележке вполне приличный завтрак.

Яичница с колбасой, сырники и растворимый кофе примирили Сергеева с положением бесправного пленника. Он уже начал поглядывать на аккуратно заправленную кровать, когда дверь распахнулась и в бокс вошел средних лет подтянутый мужчина в небрежно наброшенном на плечи халате, по-хозяйски уселся за стол, сдвинул в сторону посуду, которую не успели убрать, достал блокнот и шариковую ручку.

— Майор Комов, Комитет государственной безопасности, — представился он. Что было совершенно излишним: Сергеев сразу понял, кто перед ним. По манере поведения и по особому выражению стального цвета глаз, которое Андрей не раз видел у сотрудников Конторы².

Некоторое время майор сверлил Андрея взглядом, затем спросил тоном прокурора, выступающего с обвинительной речью:

— Давно знакомы с гражданином Зотовым?

Андрей изобразил на лице искреннее удивление:

— А кто это?

— Пациент, у которого вы диагностировали острую лучевую болезнь.

— Извините, товарищ майор. Не запомнил фамилию, не до того было. Первый раз его сегодня утром увидел.

— Проверим, гражданин Сергеев. — Майор сделал запись в блокноте. — Предупреждаю, вам лучше говорить правду.

— Конечно, товарищ майор. Обязанность каждого советского человека, строителя коммунизма, всеми силами помогать органам государственной безопасности!

Майор посмотрел на Сергеева с подозрением, но встретил ясный и бесхитростный взгляд.

— Что вы делали в квартире гражданина Зотова? Андрей опешил.

— Как что? Медицинскую помощь оказывали.

— Зотов сказал вам, где находится источник радиоактивного излучения.

По тону майора было непонятно, вопрос это или утверждение.

— Не сказал. Да вы у него самого спросите.

— Спросим.

Допрос длился около двух часов без перерыва. Сергеев отчитался за каждую минуту, проведенную на вызове. Он очень устал, ночь выдалась беспокойной, три вызова плюс последний, «радиоактивный». Андрея клонило в сон, он несколько раз отключался, приходил в себя, снова и снова повторял, что не знает, где Зотов спрятал источник радиоактивного излучения.

Когда майор ушел, взяв подписку о неразглашении, Андрей без сил повалился на кровать. Через час его разбудила медсестра, сказала, что анализы в порядке и Сергеев со своей девушкой могут от-

правляться домой. Оксана ждала в санпропускнике. Вид у нее был крайне утомленный, глаза покраснели. На военном «УАЗе» доктора и его спутницу отвезли на подстанцию скорой помощи. По дороге Оксана пожаловалась на майора:

— Андрюша, он смотрел на меня как на врага! Все время спрашивал, что сказал пациент, где спрятал изотопы, и не поверил ни одному моему слову.

Андрей взял девушку за руку, заглянул в полные слез глаза.

— Не бери в голову, у него работа такая — никому не верить.

Оксана уткнулась ему в плечо, ее худенькие ключицы вздрагивали. Андрей нежно гладил девушку по спине и думал, какое все-таки счастье, что именно в его бригаду направили на практику два года назад студентку третьего курса Оксану Шурову.

Первый раз увидев зеленоглазую практикантку с копной каштановых волос, Сергеев неожиданно для себя смутился и почувствовал сердцебиение, как после забега в гору. Присутствовавшая во время той сцены фельдшер Загайнова, тайно влюбленная в доктора, рассказывала потом в женской комнате отдыха, как всегда невозмутимый Андрей Леонидович покраснел и язык проглотил.

Практикантка оказалась с характером и острой на язык, в больших зеленых глазах часто плясали веселые чертики. Но будущую профессию она искренне любила, пациентам, особенно мужчинам, при ее появлении сразу становилось лучше, в самые

тонкие вены попадала с первого прокола, доктора слушала внимательно, вопросы задавала толковые.

Через месяц дежурства без Оксаны казались Андрею скучными. Через полгода он уже не представлял без нее дальнейшую свою жизнь и ужасно ревновал, когда Оксана ходила в кино со скоровским красавцем и пижоном доктором Чураковым. Андрей не мог понять, как такая умная девушка, обладавшая почти сверхъестественной интуицией, не разглядела в Чуракове недалекого самовлюбленного эгоиста. Впрочем, эпизод с Чураковым так эпизодом и остался, а после нападения на Андрея прошлой весной³ Оксана неожиданно сама пришла к нему в общежитие, чего раньше себе не позволяла, опасаясь злых языков.

А теперь какой-то майор обижает самого дорогого на свете человека. Андрей непроизвольно сжал кулаки. Вызвать бы его на дуэль, как поступали в позапрошлом веке! Так ведь не примет вызов. Такие майоры только в кабинетах храбрые.